

Вторникъ 18-го Декабря 1912 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Зачѣмъ же мѣшать автору и разбавлять сюрризмъ, чтобы онъ потерялъ остроту шокированности.

Напрасно, однако, думать, авторъ и публичка, что въ пьесѣ показанъ веселый зѣфиринецъ.

Нѣтъ, передъ нами проходитъ трагическій зѣфиринецъ, въ которомъ типы, къ сожалѣнію, столь язки, что кажутся списанными съ ватуры.

Какъ трагическаго зѣфиринца такъ хорошо распрѣдѣлились.

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, юбилярша — генеральша Хворостова.

Она съ присущимъ ей талантомъ нарисовала живую, выразительную властную натуру, забывшую себя подлѣ магического шкафа съ миллионами и лишь въ послѣднее мгновеніе очнувшуюся, для вѣстряни Алексѣя.

Типичны всѣ зѣфиры: и «слезы» — Замыткинъ (г. Тарскій), и педагогъ, совѣтъ соологубовской завзавски, Забѣлинь (г. Зубовъ), и «артистка для всего» — Замыткина (г-жа Троянова), и декадентъ художникъ Разумовъ (г. Софронцовъ), и эксцентрикша Ида Селіванова (г-жа Самойловна), и гимназистъ Коля (г. Яронъ), и гимназистка Надя (г-жа Кирова), и пылица капитанъ Забѣлинь (г. Хворостовъ), и дочь генеральши Нина (г-жа Мандраки), и сынъ генеральши (г. Лосъ)...

Это еще не всѣ, — занята чуть ли не вся трупа!

Главные герои — г-жа Рошадская и Рыбикова — прекрасный дуэтъ.

Пьеса идетъ подъ непрерывный смѣхъ публики. Но въ пьесѣ есть и нѣчто большее, чѣмъ шипидарительный смѣхъ...

Помните вы монологъ о шкафѣ, монологъ, обращенный къ шкафу въ одной изъ лучшихъ пьесъ милаго, грустно-веселаго Чехова.

Какъ трогательно, задушено онъ звучалъ. Какимъ болящимъ, красивымъ символомъ онъ вставалъ.

Шкафъ дѣдовскихъ временъ вырасталъ въ вашихъ глазахъ...

Въ жизни каждаго изъ насъ были такіе шкафы нашего дѣтства.

И воспоминанія, связанныя съ ними были такъ близки, какъ вычѣршнѣе тоны гобоса, какъ вычѣршнѣе ароматы пачулей...

Малый театръ.

ЮБИЛЕЙ Е. П. КОРЧАГИНОЙ.

«Веселая исторія», ком. въ 4-хъ актахъ Федора Фальковского.

Очень жаль, что Ф. Н. Фальковский столько лѣтъ ничего не давалъ для театра.

Среди современнаго безнѣсія, его литературная, оценочная, беспристрастная комедія положительно выдѣлилась бы.

Какъ выдѣляется и «Веселая исторія», о томъ, какъ дѣлится наследство наследника миллионера.

Рассказывать содержаніе для тѣхъ, кто видитъ пьесу — безнѣсно.

Для тѣхъ, кто не видитъ пьесы — вредно. Потому что вся соль пьесы въ томъ сюрризмѣ, фальшъ готовитъ авторъ для зрителей въ чет-

Милый, милый чеховскій шкафъ, ты такой же символъ, какъ чайка.

Вчера въ Маломъ театрѣ мы услышали о другомъ шкафѣ.

Чеховскій шкафъ былъ—стараемый.

А шкафъ, который выводится на сцену Ф. Н. Фальковскимъ ради юбилея Е. П. Корчагиной-Александровской—несгораемый шкафъ.

Это тоже символъ.

Но символъ не хрупкій, ароматный, какъ у Чехова, а символъ вызванный изъ стали, тяжелый, грузный.

Такъ и слышится, какъ крахъ лодовики, когда втаскивали его, этотъ шкафъ по лестницѣ.

Шкафъ Чехова—символъ объединенія, традицій, семьи...

А шкафъ Фальковского—символъ разъединенія.

Хотя самъ авторъ и говоритъ:

— Мой шкафъ прочно объединяетъ съжавшихся со всѣхъ сторонъ наследниковъ.

Это не вѣрно.

Вокругъ чеховскаго шкафа вьются ароматы, воспоминанія, грезы, легенды...

А вокругъ Фальковского шкафа вьются, какъ змеи, дразны, сдѣлки, компромиссы, мерзости, обманы, предательства.

Развѣ это элементы соединенія, а не разложенія.

Ф. Н. Фальковскій любитъ символы.

Символы есть въ его «Строителяхъ жизни», вся изъ символовъ «Въ огнѣ»...

И тутъ вотъ писалъ веселенькую бытовую пьеску,—улыбчивую и бодрую.

А подвернулся—символъ.

Пьесу прекрасно приняли.

Оказывается, ни публика не забыла Фальковского.

Ну Фальковскій не забыть публики.

Онъ знаетъ секретъ, какъ въ теченіе четырехъ актовъ продержатъ вниманіе слушателя и не уронить интереса.

А вѣдь это все.

Н. Шебуевъ.